

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПО СТРАНИЦАМ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

УДК 811.161.1'374.3(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-58-71. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

НЕОЛОГИЗАЦИЯ ЯЗЫКА В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ «УШАКОВСКОГО СЛОВАРЯ»

Леонтьева Т. В.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>
SPIN-код: 6865-4315

Щетинина А. В.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>
SPIN-код: 2159-6533

А н н о т а ц и я. Рассматриваются процессы неологизации языка в свете лексикографических тенденций, актуализирующихся в условиях культурных сдвигов в России в начале XX и XXI веков. Материалом для исследования послужили слова с пометой «новое», зафиксированные в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить тенденции неологизации русского языка, репрезентированные в исследуемом словаре, на фоне лексикографической традиции описания фонда актуальных и новых слов, получившей отражение в многочисленных лексикографических источниках неологизмов, проникших в русский язык в XXI веке. Методом сплошной выборки слов с пометой «новое» и идеографической реконструкции лексико-семантических множеств были составлены группы неологизмов, которые отражают реалии политического и государственного управления, социального воздействия, культурной и образовательной сфер, производственной и сельскохозяйственной деятельности, экономики и предпринимательства, военной службы, быта, то есть различных областей жизнедеятельности человека, живущего в первые десятилетия XX века, в период строительства нового пролетарского государства. Установлено, что активно появляются новые слова в социально-политической сфере и производственной деятельности в стране, менее всего представлены в новой лексике факты бытовой сферы. Отчасти схожая тенденция отмечается в начале XXI века, однако, если для новой лексики первых десятилетий жизни советского государства была характерна семантика коллективизма, то языку новейшей истории свойственны индивидуалистические смыслы. Это проявляется в активном заимствовании англицизмов из области психологии отношений, самопознания и саморазвития, персональных интересов человека, которые объединяют людей в субкультурные сообщества и определяют особенности их образа жизни. Об актуальности новых слов, их укоренении в языковой системе свидетельствуют деривационные связи, которые реализуются в образовании от новых слов целых словообразовательных гнезд, цепочек или пар, среди которых примечательно создание феминитивов. Выявлено, что процессы словообразовательной и семантической деривации имеют сходные тенденции в процессе появления новых слов в начале как XX, так и XXI веков.

STUDIES OF WORDS AND PHRASEOLOGICAL UNITS:
BASED ON THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

Ключевые слова: толковый словарь; новые слова; неологизация языка; идеографическая реконструкция; словообразовательная деривация; семантическая деривация

Для цитирования: Леонтьева, Т. В. Неологизация языка в свете лексикографии: по материалам «Ушаковского словаря» / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 58–71. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-58-71.

**LANGUAGE NEOLOGIZATION IN LEXICOGRAPHY:
BASED ON USHAKOV'S DICTIONARY**

Tatyana V. Leontyeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Anna V. Shchetinina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

Abstract. The study looks at the processes of the Russian language neologization in the light of lexicographic trends actualized in the situation of cultural shifts in Russia at the beginning of the 20th and 21st centuries. The material under examination includes words marked as “new” in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov. The aim of the study is to identify the trends of neologization in the Russian language represented in the dictionary, against the background of the lexicographic tradition of describing the fund of current and new words, which has been reflected in numerous lexicographic sources of neologisms that penetrated into the Russian language in the 21st century. Using the method of continuous sampling of words marked as “new” and via ideographic reconstruction of lexico-semantic sets, neologisms are sorted into groups that reflect the realities of political and state governance, social impact, cultural and educational spheres, production and agriculture, economy and business, military service, everyday life, i.e., the areas of life of the people who lived in the first decades of the 20th century during the period of construction of the new proletarian state. It has been found that new words actively emerge in the socio-political sphere and production activities in the country, while facts of everyday life are least represented in the new lexicon. A partly similar trend is observed at the beginning of the 21st century, but if for the new lexicon of the first decades of Soviet statehood, semantics of collectivism was more characteristic, the language of recent history is characterized mostly by individualistic meanings. This is manifested by the active borrowing of Anglicisms from the field of psychology of relationships, self-awareness and self-development, personal interests of man, which unite people into sub-cultural communities and determine the specific features of their lifestyle. The relevance of new words and their rooting in the language system are corroborated by derivational links, which are realized in the formation of whole word-formation paradigms, chains or pairs from neologisms, among which the creation of feminatives is particularly noteworthy. It has been revealed that the processes of word-forming and semantic derivation have similar trends in the process of the emergence of new words at the beginning of both the 20th and 21st centuries.

Keywords: explanatory dictionary; new words; neologization of language; ideographic reconstruction; word-formation derivation; semantic derivation

For citation: Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. Language Neologization in Lexicography: Based on Ushakov's Dictionary. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 58–71. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-58-71.

Введение

Слова, вошедшие в русский язык в начале XX века, и языковые единицы, появившиеся в начале XXI века, имеют общие модели словообразовательной и семантической мотивации как неологизмы, отражающие тенденции социально-политического, экономического, культурного

развития страны и повседневной жизнедеятельности человека. Указанные два периода имеют сходство в том отношении, что в условиях глубинных культурных сдвигов (первый был обусловлен революционными событиями и сменой государственного политического режима, второй – технологической революцией, кардинально изме-

нившей коммуникацию в обществе) началось интенсивное обновление словарного состава языка ввиду появления новых и трансформации старых реалий. Эти процессы не могли не вызвать интерес у лингвистов, получив отражение в научных исследованиях, см. об этом [Селищев 1928; Иванов и др. 1932 и др.], в том числе в лексикографических. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСРЯ), составление которого началось в 1928 году, представляет собой попытку «отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка» [ТСРЯ т. 1: 9], поэтому включает в себя значительное количество новых слов, выражений и их значений: первый том – 664, второй – 343, третий – 522, четвертый – 835 (эти языковые единицы имеют в словаре помету «нов.»). Издание словаря «стало событием не только в научной и общественной жизни страны, но и большим культурным явлением» [Никитин 2016: 52].

В свою очередь активно издаваемые словари неологизмов XXI века, которые увидели свет в последние двадцать лет [Григоренко 2009; Захаренко и др. 2003; Катлинская 2008; Крысин 2009; Леонтьева и др. 2021; Окунцова 2009; СРЯКЭ 2021; СЯИ 2016; Толковый словарь... 2008; Шагалова 2011; Щетинина 2022 и др.], дополняя новыми языковыми фактами традиционно представленные в толковых словарях XX века лексико-семантические множества (в частности, имеющиеся в ТСРЯ группы политической, экономической, религиозной, бытовой и др. лексики), фиксируют также языковые единицы таких тематических объединений, которые не были отражены в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и в других лексикографических источниках XX века. Эти неологизмы маркируют реалии нового времени – эпохи развития страны после распада СССР, времени интенсивного развития компьютерных технологий, появления новых форм коммуникации, в том числе в результате возможностей, которые дает Интернет, повышенного внимания личности человека, а также к его внешнему виду и др. Приведем несколько примеров ре-

презентации в современных словарях XXI века тенденций неологизации языка и актуализации определенных групп лексики и языковых процессов.

«Толковый словарь русского языка начала XXI века» под редакцией Г. Н. Складчиковской включает в себя языковые единицы и их значения, актуализировавшиеся в русском языке за несколько кризисных для жизни страны десятилетий. Среди таких слов и выражений можно выделить номинации фактов, связанных с молодежными субкультурами (*байк-клуб, граффитист, диггер, флешмоб* и др.), способов ухода за лицом и телом (*автозагар, мелировать, скраб* и др.), паранормальных явлений (*гуманоид, контактерский, экстрасенс* и др.) и др. [Толковый словарь... 2008: 6]. В аннотации к словарю отмечается, что в данном лексикографическом источнике «нашли отражение наиболее существенные языковые процессы последних годов XX – начала XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и сформировавшие языковое сознание современников», при этом из 8500 слов и устойчивых выражений «многие... впервые представлены в лексикографии» [Там же: 4].

«Словарь языка Интернета.ru» под редакцией М. А. Кронгауза (далее – СЯИ) объединяет языковые факты, используемые участниками интернет-коммуникации в процессе общения друг с другом, так называемую сетевую лексику (*анон, бомбануло, нзч, норм, свидетель из Фрязино, савж* и др.). С точки зрения составителей словаря фиксация таких языковых единиц имеет большое значение, поскольку «раньше границы между сетевым жаргоном и всем остальным были понятны и строги», а в настоящее время «Интернет и реальность (реал) сошлись и смешались, что неизбежно влияет и на язык» [СЯИ 2016: 5].

«Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (далее – СРЯКЭ) санкт-петербургских исследователей фиксирует неологизмы, появившиеся в результате и во время пандемии COVID-19 (*антимасочник, барановирус, изоляция, индофемия, коронакризис* и др.). 3500 слов и выражений называют новые реалии, потрясения от которых, по словам авторов книги, «оказались настолько шокирующими для обще-

ства, что русский язык (как и другие языки мира) мгновенно отреагировал на эти процессы, создав за несколько месяцев 2020 года такой массив новаций, который в количественном отношении можно сравнить, пожалуй, с языковой динамикой революционной эпохи или периода перестройки» [СРЯКЭ 2021: 3].

Словари, разработанные авторами данной статьи, включают в себя группы слов, называющие инструменты, виды и способы интернет-коммуникации (*паблик, стриминг, инфлюенситель, квестовый, клубничный бунт* и др.), особенности психологического взаимодействия (*буллинг, неглектить, душный, ламповый* и др.), модные движения и образ жизни их сторонников (*нормкор, зожник, фриганить* и др.) и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]. Значительную часть словников этих лексикографических источников занимают англицизмы, что, как отмечает автор предисловия к обеим книгам В. М. Мокиенко, объективно отражает тенденции заимствования в современном русском языке: «Греки, татары, голландцы, немцы, французы... кто только не оставил своих следов в нашей языковой системе. А ныне пришел черед англицизмов-американизмов, и они интенсивно внедряются в эту систему, ускоряя процесс ее развития, и в то же время подвергаются такому «обрусению», что первоисточник далеко не всегда опознаваем» [Мокиенко и др. 2021: 4].

Таким образом, можно говорить об общей тенденции активного пополнения языка новыми словами в начале обоих изучаемых периодов. И если в XXI веке развитие лексикографии и новых технологий позволяет ученым работать довольно интенсивно и создавать словари за короткий срок и в разных направлениях (универсальные толковые словари, тематические, идеографические, словари синонимов, антонимов и др.), то словарь, составленный Г. О. Винокуром, Б. А. Лариним, С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским и Д. Н. Ушаковым (под редакцией последнего), представляет собой уникальный лексикографический источник, который, по словам Л. П. Крысина, «долгое время служил и сейчас продолжает служить прекрасным справочником и по части значения слов и

их употребления и произношения, и по части грамматики, и по многим другим вопросам повседневной речевой практики» [Крысин 2004: 529]. Ученый отмечает: несмотря на то, что «русская лексикография к двадцатым годам нашего [XX] столетия имела достаточно богатую традицию в области создания толковых словарей», они «плохо удовлетворяли новым условиям, в которых оказался русский язык после революции. Ломка старой социальной системы, переустройство общества, многочисленные нововведения получали отражение в лексике», поэтому многими языковедами осознавался факт, «что нужен новый толковый словарь, который отразил бы все эти новшества и в то же время упорядочил бы их в соответствии с требованиями литературной нормы» [Там же: 530].

В этой связи представляют интерес как тематическая принадлежность новых слов к определенным лексическим группам, так и деривационные, а также грамматические характеристики неологизмов в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова. С этих позиций мы проанализируем лексику, зафиксированную в данном источнике с пометой «новое», означающей, «что слово или значение возникло в русском языке в эпоху мировой войны и революции (т. е. с 1914 г.)» [ТСРЯ, т. 1: XXV] на фоне тенденций появления новых слов в первые десятилетия XXI века – более поздний период, на который также приходится интенсивное обновление лексики и фразеологии русского языка.

Лексико-семантические множества неологизмов в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова на фоне современной лексикографической практики

Анализ лексико-семантических характеристик новых слов позволил выделить ряд идеограмм, которые объективируют знания носителя языка о различных фрагментах окружающего мира, в частности, отражают новые тенденции жизни советского социума в начале XX века. Каждая идеограмма в свою очередь объединяет языковые факты, имеющие в ассертивной зоне значения общие семантические компоненты. Мы выявили ряд номинативных множеств, которые отражают реалии

– *политической жизни и государствен-*

ного управления, например, «политическое устройство» (*автономия*), «название государства» (*лимитроф*), «характеризующий политическое устройство» (*общесоюзный, общереспубликанский*), «государственный орган» (*палата*), «партийная организация» (*партком, партактив, партгруппа, партколлегия, парторган, партиячейка, партикола*), «член партийной организации» (*партиец, партработник*, сущ. *партийный, партийная*), «партийный документ» (*партбилет*), «партийное наказание» (*партвызыскание*), «партийное требование» (*партдисциплина, партминимум*), «партийное мероприятие» (*партконференция, партсобрание, партсвезд*), «политическое влияние» (*большевизация*), «сторонник политического учения» (*ленинец, ленинка, большевик*), «сделать сторонником» (*обольшевичить*), «направленный против религии» (*антирелигиозник, безбожник*), «выступающий против советской власти» (*белогвардеец, белоэмигрант, левак, невозвращенец, перерожденец, перерожденка*), «выступление против советской власти» (*перерождение, перерожденчество*), «политические взгляды» (*левачество, ленинизм*), «подвергшийся наказанию» (*лишенец, лишенка*), «право на управление» (*мандат*), «национальность, народность» (*мариец, маришка*), «государственный праздник» (*Первомай*) и др.;

– **социального взаимодействия**, например, «организация» (*агитпроп, актеатр, батрачком, местком, наркомат, обком, партком, партактив*), «деятельность, движение» (*пионерия, пионерство*), «член организации, движения» (*пионер, октябренок*), «человек, приукрашивающий, преувеличенно восхваляющий социальную действительность» (*ал(л)илуищик, лакировщик*), «передовая часть общества, группы» (*актив*), «представитель передовой части общества» (*активист, общественник*), «представитель социальной группы» (*бедняк, безошадник, беспризорник, беспартийный*), «сотрудник, работник» (*аспирант, бетонщик, лесник, ликбезник, милиционер, милиционерка, напарник, областник, пищик*), «собрание» (*летучка, партсобрание*), «организация работы» (*непрерывка, перекличка, перестройка*), «распоряжаться, пользоваться» (*маневрировать*), «мероприятие» (*массовка*), «средства массовой информации» (*массовка, многотиражка*), «характеризующий продукт, результат деятельности»

(*несогласованный*), «характеризующий тип работы» (*низовой*), «особенность образа жизни» (*обрастание*), «вредитель» (*перегибщик, перестраховщик*), «оказать воздействие на человека» (*перековать*), «стать лучше кого-нибудь» (*презойти*), «вызывать неодобрение своим поведением» (*перестраховаться*) и др.;

– **сельскохозяйственного и производственного развития**, например, «знания, необходимые для ведения сельского хозяйства» (*агромаксимум, агроминимум*), «материалы для производства» (*пиломатериалы*), «продукт производства» (*блюмс, Лампочка Ильича, лярд*), «предприятие» (*лесозавод*), «технологический, производственный процесс» (*машинизация*), «осуществить производственное действие» (*первооружить, первооружиться, перевыполнить*), «оборудование» (*банкоброш*), «связанный с оборудованием» (*машинно-тракторный*), «положительный результат работы» (*перевыполнение*), «негативный результат работы» (*недовыпуск, невыработка, недоучет, неполадка*), «сельскохозяйственный процесс» (*мясозаготовка, овощеводство, озимизация*), «торговая, промышленная, с/х организация» (*многолавка, мясовохоз, овцесовхоз*), «вид производства» (*пищевкусовой*) и др.;

– **экономики и предпринимательства**, например, «денежная единица» (*лат, николевка*), «превращенный в деньги» (*ликвидный*), «вид измерения» (*листаж, метраж, норматив*), «экономическое преступление, нарушение» (*мешочничество*), «экономическая политика» (*НЭП*), «относящийся к экономической политике» (*нэпманский*), «предприятие» (*однолавка*) и др.;

– **культурной жизни**, например, «произведение искусства» (*боевик*), «технология в кинопроизводстве» (*напыль, озвучивание*), «прием в искусстве» (*переключение*), «учреждение» (*передвижка*), «сотрудник» (*передвижник*) и др.;

– **спорта**, например, «вид спорта» (*парашютизм*), «спортсмен» (*парашютист, парашютистка, планерист*), «спортивный аппарат» (*планер*) и др.;

– **образовательной системы**, например, «образовательное учреждение» (*ликпункт, педвуз, пединститут, педтехникум, педучилище, педфак*), «характеризующий образование» (*неполный, обществоведческий*), «ученик»

(октябрёнок), «сотрудник образовательной организации» (*педагог*), «официально осуждаемая теория образования» (*лабораторный метод*) и др.;

– **военной сферы**, например, «воинское звание» (*лейтенант, младший лейтенант, старший лейтенант*), «военнообязанный» (*одногодичник, переменник*), «морское военное судно» (*авианосец, линкор*), «действующий определенным образом с военной целью» (*наземный*), «оружие» (*обрез*), «оружейный аксессуар» (*патронташ*), «перерыв в вооруженной борьбе» (*передышка*), «одежда» (*гимностерка, пилотка, буденовка*) и др.;

– **быта**, например, «вид мебели для отдыха и лечения» (*лежак*), «одежда» (*майка*), «прическа» (*перманент*), «место отдыха» (*азарий*).

Анализ приведенных примеров лексико-семантических множеств показывает, что идеограммы наполняются лексическими репрезентантами неравномерно. Наиболее активно появляются новые слова в сферах политики и государственного управления (реалии партийных отношений, политические учения, их сторонники и противники), социальных отношений (работа, социальные группы, члены социальных групп, их взаимодействие) и производственной деятельности в стране (сельское хозяйство, промышленность); менее всего идеограмм и их репрезентантов отражают факты бытовой сферы.

Анализ новых слов, появившихся в XXI веке, позволяет выделить две тенденции актуализации и неологизации лексикона, отраженных в лексикографических источниках разных типов. Первая связана с пополнением уже имеющихся лексико-семантических множеств новыми лексемами и идиоматическими выражениями. Так, в «Толковом словаре...» под редакцией Г. Н. Складневской «те лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют сознание современников», среди которых представлена лексика сфер, репрезентированных и в ТСРЯ: политика, социальное устройство, идеология, экономика, армия, охранительные органы, культура, религия, одежда [Толковый словарь... 2008: 6]. Слова из указанных сфер представлены практически во всех словарях новой лексики как

языковые единицы, появляющиеся в связи с переменами в государстве и обществе. Приведем несколько примеров пополнения представленных в ТСРЯ групп лексики из разных современных источников: **политическое устройство, управление**: авторитаризм, аппаратный, аппаратчик, забюрократизированный, переговорщик, перестроечник [Толковый словарь... 2008], неоконь, триколор, шахид [Шагалова 2011], бизнес-элита, еврокомиссар, псевдодемократ, политический технолог [Григоренко 2009]; **институциональный конфликт и единение**: антиперестроечник, антирыночник, антифа, биотеррорист, полевой командир, скинхед [Григоренко 2009]; **твиттер-революция, оранжевая революция, ватник, вежливые люди, военный диалог, крымнашизм, крымнашист, демонстрация протеста, иноагент, агент влияния, антиглобализм, глобализм** и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]; **социальное взаимодействие**: забугорник, нельготник, спонсорство, оператор [Толковый словарь... 2008], имиджмейкер, клонировать, офис [Крысин 2009], инсайдер, стартап, тьютор, фрикер, фрилансер [Шагалова 2011], зожник, нормкорский, зацепер, информационный шум, токсичность [Щетинина 2022], бизнес-тусовка, бутылочник, вип-гость, ночная бабочка, верхний средний класс, неохиппи [Григоренко 2009]; **экономика, финансы**: банкротство, госбюджетный, импортирование, реинжиниринг [Толковый словарь... 2008], ваучер, дилер [Крысин 2009], аутсорсинг, транш, трейдер, факторинг, хеджирование [Шагалова 2011], соинвестор, челнок, джоббер [Григоренко 2009]; **производство, сельское хозяйство**: агрохолдинг, агроэкологический, взаиморасчеты, взаимонеплатежи, [Толковый словарь... 2008], агролобби, агропромышленник, агроэколог [Григоренко 2009]; **хаб, холдинг, хостер**, [Шагалова 2011], **культура**: дефиле, диджеить, трек, кантри, кавер-версия [Толковый словарь... 2008], оригами, ревю, пен-клуб [Крысин 2009], буккроссинг, комиксист, соул-группа, толкенист [Григоренко 2009]; **нон-фикшн, нью-рейв, трейлер, трибьют, фэйс-арт, фронтмен** [Шагалова 2011], **спорт**: вейкборд, дайвинг, мототриал, форвард, хет-трик [Толковый словарь... 2008], велоэргометр, могул, моториал, слип-стрим [Шагалова 2011], воркаут, скейт-парк, допинг-скандал, мельдонийгейт [Щетинина 2022]; **военные, силовые структуры**

ры: *альтернативщик, афганец, контрактник, силовик* [Григоренко 2009]; **бытовые реалии:** *аяска, бандана, органза, мелировать* [Толковый словарь... 2008], *джакузи, нубук, угги, фреш, хамам* [Шагалова 2011].

Вторая тенденция неологизации лексики обусловлена появлением новых понятий и, следовательно, новых групп слов и выражений, их называющих, то есть в ее рамках описываются фрагменты языковой картины российской действительности, которые ранее отсутствовали. Так, интенсивное развитие компьютерных технологий обусловило появление значительного количества номинаций **различных устройств, сервисов, платформ:** *веб-таксофон, видак, СД-диск, сервер, тамагочи, телеприставка* [Толковый словарь... 2008], *медиаплеер, мультиплеер, смарт-бук, смартфон* [Шагалова 2011], *аккаунт, билборд, веб-сайт, девайс, гаджет* [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022], **технологических процессов:** *веб-дизайн, взломать, медиа-баинг, оффлайнный, троян* [Толковый словарь... 2008], *вишинг, моддинг, мульти-тач, спам* [Шагалова 2011], *смишинг, фарминг, фишинг* [Щетинина 2022], **мероприятий:** *видеоконференцсвязь, телемост, телеконференция* [Толковый словарь... 2008], *воркшоп, спид-дейтинг* [Шагалова 2011], *активность, вебинар, квест, питч-сессия* [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022], **составляющих специфической коммуникации (социальной, деловой, психологической в реальном и виртуальном пространствах):** *ламо, ламер, флеш-моббист, теледебаты* [Толковый словарь... 2008], *вип-гость, гербалайфщик, колл-гёрл, лайфхакер* [Григоренко 2009], *видеоподкаст, моджигейт, мониторинг, стейдж-дайвинг* [Шагалова 2011], *аккаунт, амбассадор, блог, буллинг, влог, деанонить, месседж, скроллинг, тролить, флеймить* [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022].

Кроме того, смена идеологических установок в стране, переход к капиталистической форме управления экономикой во многом обусловили формирование нового типа гражданина как грамотного потребителя и, следовательно, личности, ориентированной на свои индивидуалистические потребности, что повлекло за собой появление целого пласта лексики, отражающего психологические особенности, проблемы, особенности поведения

современного человека. Советскому социуму в первой половине XX века, занимающемуся «все более и более развертывающимся социалистическим строительством» [ТСРЯ, т. 1: 9], такое повышенное внимание к личности было не свойственно, поскольку приоритет отдавался коллективу, что получило отражение в новой лексике. Анализ примеров лексико-семантических множеств, представленных в ТСРЯ, показывает, что у большей части слов, значения которых лежат в семантической области «взаимодействие людей», в ассертивной зоне значения и на ближней периферии представлены компоненты, выражающие семантику коллективизма, при этом ориентированного на деловое, политическое, производственное, то есть институциональное взаимодействие, см., например, новые для того периода номинации представителей определенных социальных групп: *бедняк, безлошадник, активист, общественник, пионер, октябренок, партиец, ленинец* и др. Мы не выявили в ТСРЯ слов, которые бы обозначали принадлежность к неформальной организации, объединяющей людей в соответствии с их индивидуальными интересами. Напротив, в современных неологизмах семантика коллективного отражает преимущественно стремление к удовлетворению через приобщение к группе личных потребностей и интересов, к получению удовольствия, привлечению внимания, часто с целью получения выгоды, сравним, например: репрезентантов идеограмм с семантикой сторонников или участников какой-либо политической или общественной организации, движения с учетом образования пар мужского и женского рода (*античойсер / античойсерка, пролайфер / пролайферка* и др.; *ватник, крым-нашист, соцфемка, зеленые* и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]) менее 30, а неологизмов, называющих участника субкультуры, модного движения и др., более 50 (*зожник, геймер, фриган, косплеер, винишкотян, анимешник, хипстер* и др. [Там же]), а если добавить в эту группу лидеров мнений (*ЛОМ, инфлюенсер, икона стиля* и др. [Там же]), представителей поколений (*снежинки, альфы, карантинейджеры* и др. [Там же]), чьи индивидуальные характеристики также учитывают, например, в маркетинге, ре-

кламе, торговле и др., то группа составит более 100 единиц, то есть в несколько раз больше, чем номинаций сторонников социально-политической активности.

Внимание к психологии человека породило актуализацию номинаций, связанных смежличностными отношениями в группе (рабочий коллектив, неформальная компания или семья), преимущественно конфликтными (*абьюзить, моббинг, буллинг, газлайтинг, сталкер, груминг* и др. [Там же]), а также с внутренними психическими процессами, которые составляют для части общества основу образа жизни (*осознанность, дауншифтинг, прокрастинация, сейфизм* и др. [Там же]). Закономерно, что такого типа лексика отсутствует в ТСРЯ, характеризующем (в силу задач, поставленных перед составителями этого словаря) жизнь общества, основанного на идее коллективизма.

Кроме того, материалы ТСРЯ свидетельствуют о том, что в тот период (в начале XX века) не состоялось обновление лексики ряда тематических групп, которые спустя столетие, в начале XXI века, существенно расширились, пополнившись новыми единицами. Это слова, соотносительные (1) с уфологической областью (паранормальными явлениями), например: *вампиризм, контактёрский, полтергейст* [Толковый словарь... 2008]; (2) сексуальной сферой, например: *вуайеризм, лав-парад, плейбой, свингерство, транссексуал, унисекс* [Шагалова 2011]; (3) различными музыкальными направлениями, например: *лаунж, лэнд-арт, рэп, саунд-арт* [Там же]; (4) со сферой моды, красоты и стиля, например, *лайт-лифтинг, саронг, татуаж, трендсеттер, фанго, фэшн* [Там же]; (5) с маркетингом и рекламой, например: *директ-маркетинг, копирайтинг, таргет, креатор* [Там же] и некоторыми другими.

Таким образом, словарь лексикографического источника является своего рода гипертекстом, репрезентирующим языковую картину мира социума в определенные периоды. Более того, анализ новой лексики, зафиксированной в словаре, позволяет увидеть новые реалии, появившиеся в описываемое время, в том числе источники их номинации в начале XX века. Так, «революционные деятели при обсуждении тех

или иных вопросов общественно-политической жизни вводят в речь много терминов, имевших до того времени ограниченный круг своего распространения, вращавшихся в среде книжной, философской, в среде политико-экономистов и социологов. Среди этих терминов большое количество приходится на заимствованные слова. Много заимствований введено» [Селищев 2003: 69]. Изучение неологизмов постсоветского периода (первой четверти XXI века) показывает, что язык характеризуется, как видно из приведенных примеров, большим количеством англицизмов, особенностью заимствования которых объясняется, по мнению И. Б. Левонтина, тем, что «н[Н]аше хроническое технологическое отставание и догонялки, а с другой стороны – наша склонность к культурной и языковой рефлексии приводит к тому, что именно для русского языка особенно характерно возникновение дурацких на первый взгляд словечек, в которых так точно схвачена суть цивилизационных сломов» [Левонтина 2016: 43].

Деривационный потенциал неологизмов в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и в современной лексикографии

Актуальность новых лексем можно установить путем анализа их деривационного потенциала, который демонстрирует каждое слово – это не единственный, но показательный метод оценки глубины вхождения неологизма в языковую практику, закрепления его в языке. Изучение материала ТСРЯ позволяет выделить модели морфологического и семантического словообразования новых языковых единиц.

(1) Неологизмы, зафиксированные группой, включающей цепочки производных единиц словообразовательного гнезда, созданных на разных ступенях от уже имеющегося исходного слова или от непроизводной новой единицы. Например, от уже известного ранее прилагательного *активный*, не имеющего пометы «новое», образованы неологизмы-дериваты на первой ступени: *актив, активизировать*; на второй: *активист, партактив, профактив, активизироваться, активизация*; на третьей: *активистка, активистский* [ТСРЯ, т. 1: 24; Тихонов 1990: 63–64]. В «Словообразовательном словаре русского языка» под ре-

дакцией А. Н. Тихонова, изданном в конце XX века, насчитывается уже более 50 дериватов в гнезде с вершиной *активный* [Тихонов 1990: 63–64]. Также не имеет пометы «новое» лексема *кустарь*, однако оно становится вершиной словообразовательного гнезда, на первой ступени деривации мотивируя создание словообразовательной цепочки *кустарничать*, *кустарничество*, а на второй ступени – *кустарный*, *кустарно*, *кустарность*, *кустарщина*. В настоящее время в гнезде зафиксировано 14 слов [Там же: 516]. Между тем новые слова также могут мотивировать образование новых дериватов: вершинное слово гнезда – полисемант *звено* с пометой «новое» – в 2-х ЛСВ имеет компоненты ‘самая мелкая ячейка’, ‘группа’, ‘составная часть’, которые мотивируют образование производных, зафиксированных с пометой «новое»: *звеновой* (прил.), *звеньевой* (прил.) (первая ступень), *звеновой* (сущ.), *звеньевой* (сущ.), *звеновик*, *звенорг* (вторая ступень). В настоящее время данное гнездо включает в себя 11 дериватов [Там же: 365].

Новая лексика в XXI веке имеет ту же тенденцию образования дериватов в тех случаях, когда исходное слово приобретает популярность, например, группами заимствуются производные единицы от названий форм насилия: *абьюз*, *абьюзер*, *абьюзить*, *абьюзерша*, *абьюзерить*, *абьюзерский*, *абьюзивный*, *абьюзинг*, *абьюзить*, *абьюзмент* [Леонтьева и др., 2021: 27–36]; коммуникации в Интернете: *деанон*, *деанонер*, *деанонимизация*, *деанонимизированный*, *деанонимизировать*, *деанонить*, *деанонщик* [Там же: 138–146] и др.

(2) Неологизмы, составляющие группу из 3-х единиц, образованных на разных ступенях, где мотивирующим является существительное, называющее лицо мужского рода, а мотивированным – существительное женского рода и прилагательное: *алиментщик*, *алиментный* (первая ступень), *алиментщица* (вторая ступень); *культурник* (первая ступень), *культурничество*, *культурнический* (вторая ступень); *милиционер* (первая ступень), *милиционерка*, *милицейский* (вторая ступень); *буржуй* (первая ступень), *буржуйка*, *буржуйский* (вторая ступень) и др.

(3) Неологизмы, образующие словообразовательную пару по роду, широко пред-

ставлены в словаре ТСРЯ. По нашим наблюдениям, большая часть новых существительных мужского рода образует пару женского рода посредством разных формантов, например, *-иц/-щиц*: *алиментщик* – *алиментщица*, *антирелигиозник* – *антирелигиозница*, *внешкольник* – *внешкольница*, *дошкольник* – *дошкольница*, *-к/-очк*: *батрак* – *батрачка*, *бедняк* – *беднячка*, *буржуй* – *буржуйка*, *бузотёр* – *бузотёрка*, *втузовец* – *втузовка*, *вузовец* – *вузовка*, *выдвиженец* – *выдвиженка*, *гражданин* – *гражданочка*, *киноартист* – *киноартистка*, *ленинец* – *ленинка*, *лишенец* – *лишенка*, *мариец* – *марийка*, *милиционер* – *милиционерка*, *национал* – *националка*, *нацмен* – *нацменка*, *операционист* – *операционистка*; *-ис*: *киноактер* – *киноактриса*; *-иш*: *нэпман* – *нэпманиша* и мн. др.

Можно предположить, что активность образования слов женского рода связана с возросшей ролью женщины, ее участием в новых социальных процессах. В то же время новые лексемы, называющие участников, например, контрреволюционной борьбы против советской власти (*бандит*, *басмач*, *белоземгрант* и др.), встречаются редко (*белогвардеец* – *белогвардейка*), они не показывают системы в образовании пар женского рода, возможно, потому, что участие женщин в контрреволюции было менее значительным, чем мужчин. Также не образуют пары по роду некоторые названия мужских занятий, профессий, должностей (*бетонщик*, *движенец*, *деловик*, *деловод*, *деревообделочник*, *директор*, *мешочник*, *напарник*, *областник*), социально-экономического статуса (*безлошадник*, *единоличник*), военных специальностей (*военком*, *военкор*, *генштабист*, *главком*, *допризывник*, *единоначальник*, *одногодичник*).

В целом ТСРЯ демонстрирует тенденцию парного образования новых слов по категории рода, при этом самым продуктивным формантом является суффикс *-к*. Данная тенденция, а также образование феминитивов посредством аффикса *-иш*, *-иц* наблюдаются и в речи людей начала XXI века, что и фиксируют словари: *авторка*, *амбассадорка*, *блогерка* / *блогерша*, *бодишеймерша*, *влогерка* / *влогерша*, *зожница*, *каучсёрферка* / *каучсёрферка*, *ивентка* / *ивентерша*, *инфлюенсерка* / *инфлюенсерша*, *модераторка* / *модераторша*, *нормкорщица*, *селфист-*

ка, сетянка, стримерша, фриганка, фрилансерка / фрилансерша, и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]. Однако данные феминитивы маркируются как жаргонные или просторечные единицы, их употребление не является нормативным. Станут ли они узуальными, покажет время. Отметим, что если в ТСРЯ феминитивы с семантикой, связанной с насилием, протестом, преступлением, антигосударственной деятельностью, единичны (*белогвардейка*), то в современных словарях их значительно больше (*абьюзерка / абьюзерша, белоленточница, буллерша, газлайтерка / газлайтерша, мобберша, киберсталкерша, хакерша, хейтерша / хейтерка / хейтерица / хейтерушка* и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]; *автограбительница, аморальщица, барсеточница, беспредельщица, скинхедка, шахидка, токсикоманка, фейкерша* и др. [Григоренко 2009]).

(4) Неологизмы, образованные как сложные слова суше известным, как правило, ранее корнем, также являются одним из показательных явлений создания неологизмов как в ТСРЯ, так и в современных словарях, в частности, «Толковом словаре...» под редакцией Г. Н. Складневской. При этом в первом источнике такие новообразования, как правило, вводятся целыми группами без дефиниции, например: «[авто]² (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. автомобильный, напр. автобаза, автодело, автозавод, автоотряд, автосклад (склад автомобильного имущества), автотранспорт, автостроение и т. п.» [ТСРЯ, т. 1: 9]; «[авто]³ (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. автоматический, напр. автосцепка (вагонов)» [Там же]; «[лит] (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. литературный, литература, напр. литфонд, литфак (литературный факультет), Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств)» [ТСРЯ, т. 2: 70]; «[парт] (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. партийный (см. 1 и 4 знач.), напр. парторганизация, партдень, партсобрание, партдисциплина, партучеба» [ТСРЯ, т. 3: 52] и др. В начале XXI века данный способ образования слов также показал свою продуктивность: словарь под редакцией Г. Н. Складневской с точки зрения словопроизводства фиксирует лексе-

мы, «образованные активными формантами: *анти-, видео-, аудио-, био-, нарко-, секс-, спец-* и т. п.: *антивандализм, антивирусный, антидемократичность..., биотеракт, биотеррорист, биотехнологический..., видеоарт, видеоинталляция, видеокарта...*», выявляя те сферы, которые пополняются новыми реалиями или трансформируют представления об уже имеющихся фактах действительности.

Таким образом, анализ словообразовательного потенциала новых языковых единиц, появившихся в начале XX или XXI веков, показывает сходные тенденции создания дериватов гнездами, цепочками или парами, что является одним из свидетельств актуальности таких неологизмов для носителей языка в тот или иной период.

Выводы

В русской лексикографии на протяжении столетия совершенствуются подходы к словарному освещению процессов неологизации языка. Очевидно, что Д. Н. Ушаков видел перед собой назревшую после революционного перелома задачу **системной фиксации** новых слов именно исходя из понимания неединичности новых языковых фактов, поскольку они вливались в речь волнообразно, а значит, должны были фиксироваться группами, с учетом актуализировавшихся деривационных связей внутри родственных слов. Интуиция и тренированное восприятие лингвиста, приведшие его в свое время к принципу строго различия «словоизменительных и словообразовательных форм», предопределили внимание ученого и его коллектива к тому, что много позднее было названо *словообразовательными моделями*.

Несомненно, отдельное внимание составители нового издания уделили **тенденции расширения группы феминитивов в языке**. Нельзя не заметить, конечно, иногда явно ощутимую стилистическую специфику отдельных языковых единиц, например, не отмеченную в словаре сниженности коннотативного регистра слова *селькорка* 'нов., женск. к селькор' [ТСРЯ, т. 4: 137] в сравнении с маркированными единицами *перерожденка* 'нов., презрит. женск. к перерожденец' [ТСРЯ, т. 3: 189] (здесь помета отражает идеологически обусловленное неодобрение обозначаемого явления, то есть «презрительность» происходит из

отношения к перерожденцу, а не из фактора «женский род существительного») и *партийка* 'нов., разг. женск. к партиец' [Там же: 54] (а в данном случае не может быть негативных коннотаций, обусловленных объектом номинации, но имеется стилистический ограничитель), однако на этапе фиксации таких слов, проходивших «через руки» лексикографической группы словаря, **степень выживаемости слов** заранее предположить было так же трудно, как и ввести однозначную **маркировку «стихийно движущегося» лексического материала**, столь «нестабильного» в условиях трансформации культуры и языка. Несовершенство словарных помет не умаляет исследовательской работы, проведенной научным коллективом, стоявшим у истоков разработки принципов фиксации неологизмов, установления их стилистического статуса, оценки прагматического потенциала и прогнозирования жизнеспособности.

Кроме того, языковеды никак не могли проигнорировать факт стремительного пополнения группы слов, которые сегодня называются *сложносоставными* или *сложными*: «К числу новых слов, составленных из собственных элементов, принадлежат и те особого рода сокращенные новообразования, которые в революционное время широко распространились в русском государственном, а затем и в разговорном языке, первоначально для названия учреждений и должностных лиц» [Ушаков 1995: 142]. Терминология же ушаковского периода еще не имела устоявшегося обозначения для данного класса языковых единиц. В частности, в своем учебнике «Русский язык» ученый посвятил часть параграфа 87 («Виды отдельных слов») «непростым словам», которые включали несколько подгрупп, среди которых была и такая: «Непростые слова из сочетаний основ: *пароход, водовоз, длиннорукый, земледелие* и т. п.» [Там же: с. 105]. Интенсивность же обновления лексики за счет такого типа конструкций была столько велика в первой половине XX века, что в руках собирателей новых слов оказались сотни и даже тысячи языковых фактов, созданных посредством морфологического способа образования – соединением целых слов, их частей, начальных букв и звуков. Это позволило сконцентрироваться на си-

стемном их освещении в словаре: **фиксировалось не только сложное слово, но и все его дериваты, а также отдельной словарной статьей давался словообразовательный элемент**, если он обращал на себя внимание повторяемостью в ряде единиц, то есть высокой частотностью: *пред-, сбыт-, сан-, само-, рай-, сель-, сельхоз-, снаб-, сов-* и мн. др. Возможно, недоставало при этом словарной маркировки другого рода – стилистической, иногда оценки по степени употребительности слова. Однако требовать этого от лексикографической исследовательской группы невозможно, поскольку при подготовке словаря довлеет задача фиксации материала, имеющего по сути справочный характер, а углубленные изыскания, расширяющие и уточняющие словарную справку до детального всестороннего описания семантических, грамматических и иных характеристик языкового факта, не могут быть проведены одним научным коллективом в отношении всех единиц языка и составляют общую задачу всех языковедов – задачу, которая ни в какой момент времени не может быть решена в полном объеме.

Интересно взглянуть на словарные фиксации глазами современного нам носителя языка, которому довелось, в отличие от Д. Н. Ушакова, узнать, что жизнеспособность слов, в том числе сложных, оказалась различной. Так, из числа единиц, отмеченных столетие назад в ТСРЯ маркером «нов.», прочно и надолго закрепились в русской лингвокультуре слова *трудовая книжка, самоцель, повестка дня, стенгазета, субботник, самообслуживание, снабженец, сервис, самоокупаемость, самоотвод, секретариат, сельсовет, медицинская сестра, пятилетка, стажер*, однако исчезли на сегодняшний день из речевой практики такие слова, как *рядовик* 'рядовой, не руководящий работник' [ТСРЯ, т. 3: 1422], *секционер* 'член какой-нибудь секции' [ТСРЯ, т. 4: 134], *самоуплотнение* 'уплотнение своей жилищной площади по собственному почину, по собственному выбору' [Там же: 34], *селькорство* 'селькоровская деятельность, работа в газете (посылка корреспонденций с мест, из деревни)' [Там же: 137], *самозаготовка* 'нов. экон.: заготовка сырья, топлива, продовольствия и т. п. самим потребителем – предприятием или организацией, а

не центральными органами снабжения' [Там же: 34], *стенновка* 'нов. разг.: то же, что стенгазета' [Там же: 508], *телекино* 'нов. тех.: передача кинофильмов при помощи телевидения' [Там же: 670], *орабочить* 'обеспечить участие где-н. рабочих, как преобладающего элемента' [ТСРЯ, т. 2: 842] и др.

Понятно, что магистральная линия для составителей словаря была определена нацеленностью на выявление таких языковых единиц, которые служили обозначениями новейших реалий, классов и групп населения и вербализовали идеологические установки: *переключка* 'нов. перен.: взаимный вызов для обмена опытом работы, для осведомления друг друга о ходе соревнования, работы' [ТСРЯ, т. 3: 140], *середняк* 'нов. социол.: крестьянин, владеющий средствами производства, не эксплуатирующий (в источнике так. – Т. Л., А. Щ.) чужого труда и по социально-экономическим признакам стоящий между бедняком и кулаком' [ТСРЯ, т. 4: 159], *партминимум* 'нов. истор.: минимум политических знаний, необходимых каждому члену партии' [ТСРЯ, т. 3: 55], *твердозаданец* 'нов. истор.: единоличник-кулак, обязанный выполнить твердое задание' [ТСРЯ, т. 4: 661] и др.

Особенно любопытны языковые единицы, характеризующие жизнь общества, противостоящие силе, жизненных взглядов, утратившие употребительность к настоящему времени: *спецгедство* 'нов. неодобрит.: враждебное отношение к беспартийным специалистам как результат непонимания политики коммунистической партии по отношению к интеллигенции' [Там же: 432], *сопротивленец* 'нов. неодобрит.: тот, кто активно и настойчиво сопротивляется чему-н.' [Там же: 388], *старорежимец* 'новг. разг. презрит. редко: человек, сохранивший от времен царизма монархические, контрреволюционные, антидемократические взгляды и привычки' [Там же: 488], *перегибчик* 'нов. разг.: тот, кто допускает перегибы в своей деятельности' [ТСРЯ, т. 3: 110]. Пометы к таким словам позволяют современному пользователю словаря сориентироваться в коннотативном фоне и косвенно через эти номинации составить представление о том, что осуждалось или поощрялось, а значит, увидеть, как формировались детали обще-

ственно-политической концепции организации советского быта: *специализм* 'нов. книжн. неодобрит.: чрезмерное увлечение специализацией' [ТСРЯ, т. 4: 432], *перерожденец* 'нов. презрит.: человек, переродившийся под влиянием буржуазной среды, оторвавшийся от масс и идейно ставший на сторону врагов социалистического строительства' [ТСРЯ, т. 3: 189] и др.

Словарь нормативный, и мы видим, что составители словаря, подмечая и фиксируя слова, предпринимают усилия, чтобы сохранить подсказки относительно статуса слова, если он представлялся достаточно ясным на момент фиксации: *телеграфить* 'нов. разг.: то же, что телеграфировать' [ТСРЯ, т. 4: 669], *спекульнуть* 'нов. простореч. фам.: однокр. к спекулировать' [Там же: 429], *сердечник* 'нов. разг.: врач, специалист по болезням сердца' [Там же: 154], *совбарышня* 'нов. истор. пренебр.: в первые годы Советской власти – о молодой служащей, чуждой общественности' [Там же: 164].

Можно видеть, что составители словаря не отказались от фиксации просторечных слов, лежащих за пределами литературной разновидности языка, однако, конечно, участвующими в создании словарного портрета эпохи. В некоторых случаях, думается, в отклонении от идеи «нормативности» словаря сыграло свою роль желание исследователя зафиксировать ту или иную грамматическую форму, заполняющую лакуну литературного языка, как это можно предполагать в отношении слова *спекульнуть*, иначе говоря, свойственное лингвистам стремление к системности освещения материала иногда «побеждало» задуманную «нормативность» издания.

Взгляд на эти слова спустя столетие позволяет с уверенностью утверждать, что со временем в ходе меняющейся практики употребления слова его статус с каждым новым этапом развития языка чаще всего тоже меняется. Так, слово *совбарышня*, уже тогда помеченное Ушаковым как «истор.», осталось в своей эпохе и сейчас его коннотации не будут понятными носителям русского языка без специальных пояснений; просторечное слово *спекульнуть* не вошло в узус и не стало сколько-нибудь употребительным в рамках все того же просторечия; разговорная единица *телеграфить* не при-

жилась даже в разговорной речи и была совершенно вытеснена литературным вариантом *телеграфировать*; и только разговорное слово *сердечник* как обозначение кардиолога существует и фиксируется в словарях с пометой «разг.».

Наконец, отметим, что среди слов с пометой «новое», общее количество кото-

рых в 4-томном словаре, подготавливаемом под руководством Д. Н. Ушакова, составляет более чем 2000 единиц, преобладают вовсе не заимствования, как это происходит сейчас, спустя столетие, а новые слова из собственных элементов русского языка (исконно русских либо давно заимствованных и хорошо освоенных языком).

Литература

- Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке : словарные материалы / О. В. Григоренко. – Воронеж : Научная книга, 2009. – 517 с.
- Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко. – М. : Азбуковник, 2008. – 1040 с.
- Иванов А. М. Очерки по языку : для работников литературы и для самообразования / Ан. М. Иванов и Л. П. Якубинский ; Гос. ин-т речевой культуры. – Л. ; М. : Гос. изд-во худ. лит., 1932. – 182 с.
- Катлинская Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка : около 2000 слов / Л. П. Катлинская. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 380 с.
- Крысин Л. П. Дмитрий Николаевич Ушаков / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 529–535.
- Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов : справочное издание / Л. П. Крысин. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 320 с.
- Левонтина И. Б. О чем речь? / И. Б. Левонтина. – М. : АСТ : CORPUS, 2016. – 512 с.
- Леонтьева, Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2021. – 424 с.
- Мокиенко В. М. К читателю (предисловие) // Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2021. – С. 4–7.
- Никитин О. В. Ушаковская эпопея : неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 51–62.
- Окунцова Е. А. Новейший словарь иностранных слов : около 5000 слов и словосочетаний / Е. А. Окунцова. – М. : Айрис-пресс, 2009. – 510 с.
- Селищев А. М. Язык революционной эпохи : из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев // Труды по русскому языку. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1. – 632 с.
- Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.
- Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Е. С. Громенко [и др.], отв. ред. М. Н. Приемышева. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2-х томах / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1990.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века / под ред. Г. Н. Складневской. – М. : Эксмо, 2008. – 1136 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1–4.
- Ушаков Д. Н. Русский язык. – М. : Просвещение ; Учебная литература, 1995. – 320 с.
- Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.
- Щетинина, А. В. 1000 слов единения и вражды начала XXI века : Идеографический словарь / А. В. Щетинина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2022. – 586 с.

References

- Griorenko, O. V. (2009). *Novye naimenovaniya lits v sovremennom russkom yazyke: slovarnye materialy* [New Names of Persons in Modern Russian: Dictionary]. Voronezh, Scientific Book, 517 p.
- Ivanov, A. M., Yakubinsky, L. P. (1932). *Ocherki po yazyku: dlya rabotnikov literatury i dlya samoobrazovaniya* [Essays on Language: For Working Writers and for Self-Destruction]. Leningrad; Moscow, State Publishing House of self. lit., 182 p.
- Katlinskaya, L. P. (2008). *Tolkovyyi slovar' novykh slov i znachenii russkogo yazyka: okolo 2000 slov* [Explanatory Dictionary of New Words and Meanings of the Russian language: About 2000 Words]. Moscow, AST, Astrel, 380 p.
- Krongauz, M. A. (Ed.). (2016). *Slovar' yazyka interneta.ru* [Language Dictionary Internet.ru]. Moscow, AST-PRESS BOOK, 288 p.

STUDIES OF WORDS AND PHRASEOLOGICAL UNITS:
BASED ON THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

Krysin, L. P. (2004). Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitry Nikolaevich Ushakov]. In *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike*. Moscow, Languages of Slavic culture, pp. 529–535.

Krysin, L. P. (2009). *1000 novykh inostrannykh slov: spravochnoe izdanie* [1000 New Foreign Words: Reference Edition]. Moscow, AST-PRESS BOOK, 320 p.

Leontyeva, T. V. Shchetinina, A. V. (2021). *Slovar' aktual'noi leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka* [Dictionary of the Actual Vocabulary of Unity and Enmity in the Russian Language of the Beginning of the 21st Century]. Ekaterinburg, Azhur Publishing House, 424 p.

Levontina I. B. (2016). *O chem rech'?* [What is It about?]. Moscow, AST, CORPUS. 512 p.

Mokienko, V. M. (2021). K chitatelyu (predislovie) [To the Reader (Preface)]. In Leontyeva, T. V. Shchetinina, A. V. *Slovar' aktual'noi leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka*. Ekaterinburg, Azhur Publishing House, pp. 4–7.

Nikitin, O. V. (2016). Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovarya [Ushakov's Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Okuntsova, E. A. (2009). *Noveishii slovar' inostrannykh slov: okolo 5000 slov i slovosochetanii* [The Newest Dictionary of Foreign Words: About 5000 Words and Phrases]. Moscow, Iris-press, 510 p.

Selishchev A. M. (2003). Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926) [The Language of the Revolutionary Era: From Observations on the Russian Language of Recent Years (1917–1926)]. In *Trudy po russkomu yazyku*, 1. Moscow, Languages of Slavic culture. 632 p.

Shagalova, E. N. (2011). *Samyi noveyshii tolkovyi slovar' russkogo yazyka XXI veka: ok. 1500 slov* [The Newest Explanatory Dictionary of the Russian Language of the 21st Century: About 1500 Words]. Moscow, AST, Astrel. 413 p.

Shchetinina, A. V. (2022). *1000 slov edineniya i vrazhdy nachala XXI veka: Ideograficheskii slovar'* [1000 Words of Unity and Enmity of the Beginning of the 21st Century: An Ideographic Dictionary]. Ekaterinburg, Azhur Publishing House, 586 p.

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Beginning of the 21st Century]. Moscow, Eksmo, 2008, 1136 p.

Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi [Dictionary of the Russian language of the coronavirus Era]. (2021). Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, 550 p.

Tikhonov, A. N. (1990). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2-kh tomakh* [Word-formation Dictionary of the Russian Language: in 2 volumes]. Moscow, Russian Language.

TSRYA – Ushakov, D. N. (ed.) (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, OGIZ, Vol. 1–4.

Ushakov, D. N. (1995). *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Enlightenment; Educational literature. 320 p.

Zakharenko, E. N. (2008). *Novyi slovar' inostrannykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetanii* [New Dictionary of Foreign Words: Over 25,000 Words and Phrases]. Moscow, Azbukovnik. 1040 p.

Данные об авторах

Леонтьева Татьяна Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: t.v.leontieva@urfu.ru.

Щетинина Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: anna-73.schetinina@yandex.ru.

Authors' information

Leontyeva Tatyana Valerievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Shchetinina Anna Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 27.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 27.09.2023; date of publication: 30.12.2023